

революции-контрреволюции! Зачинателя до сих пор еще непостижимого движения редкоземельных элементов! Собирателя редкоземельных характеров в одну непрогибающуюся группу великолепных друзей!»

После поистине фантастического побега из тюрьмы во Францию Ген Стратов все же возвращается в Россию, что для него равносильно возвращению в тюрьму, по которой он, удивляясь сам, стал скучать в роскоши Лазурного берега: «Там, в крыжке, меня все время посещали картины прошлого. Хронологически шла полнейшая каша, однако картины эти всякий раз проявлялись с какой-то обалденной яркостью, с массой деталей, возрождались все ощущения прошлого, вплоть до ускользающих, тогда еще не понятных. Как будто я проживал свою жизнь заново, но с большей ценностью всех моментов». Прощаясь со своей любимой женой Ашкой, бывшей однокурсницей Наташкой Вертопраховой, ныне — хозяйкой миллиардной империи, Ген говорит: «Четверть века вместе, но больше, как видно, уже невозможно. Особенно, если ты не серийный продукт, а редкая штука. Если ты из семьи лантанидов. Редкоземельная пыль. Если вдвоем сначала породили некий гибкий металл, а потом распались для будущих сплавов. ... мы начинали свои дела, не зная к чему они приведут. Из недр тоталитарного комсомола мы начали наш поход к такой чепухе, как граж-

данское общество, а пришли к такой чепухе, как миллиардное состояние. Мы развратили общую тюрьму, чтобы потом развратить и нашу личную тюрьму, набитую персонажами текущей литературы. Из детской веселой игры мы пришли к абракадабристикой игре взрослых. Трилогия завершается. Все».

В 1990-е гг. В. Аксенов выпустил сборник рассказов с очень симптоматичным заглавием «Негатив положительного героя», в нем автор ставил диагноз новому герою новой России. В какой-то степени новый роман явно продолжает поиски ответов на вопросы времени. Только ответы почему-то автор не находит или не формулирует, закрываясь маской вечно итракщего и иронизирующего Окселотла. Герой «разбежался от отсутствия идеологии-веры, от жажды баночного пива, денег и гражданского общества, в котором каждый ходит с неравномерно толстым бумажником, а лучше всех ходят те, у кого потолще. Каждый тянет в свою сторону, и автору ничего не остается, как стать одним из них». «Сейчас, по прошествии трехсот двадцати одной страницы, нужно откинуться в кресле и сообразить, что происходит со строптивцами», — признается автор в эпилоге. По всей вероятности, о том, что происходит не только с новым героем, но и с современным писателем в нашем веке, придется догадываться читателю.

Примечания

1. Ремизова М. Детство героя: Современный повествователь в попытках самоопределения // Вопросы литературы. 2001. № 2.
2. Иванова Н. Клондайк и клоны. Заметки о способах литературного размножения // Знамя. 2003. № 4.
3. Аксенов В. Чудо или чудачество. О судьбе романа // Октябрь. 2002. № 8.

А. С. Роботова,
профессор кафедры педагогики

ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В СОВРЕМЕННЫХ ЖУРНАЛАХ: о духовности, хлебе насущном, молодежных ценностях, воспитании

Ставшее общим местом в современном гуманитарном сознании положение о диалогичности текста, о его двусубъектной природе сыграло с Вашим автором злую шутку... Диалог (вопросы к автору по поводу предшествующих публикаций, сомнения, возражения, просто реплики) захотелось просто услышать,

воспринять его как слово звучащее, а не мыслимое, воображаемое. Но его не было, и это повлияло на снижение мотивации «писательской» деятельности, на ее активность.

Однако шло время... Воспринимаемой информации становилось все больше. Ей становилось тесно в моем сознании, и снова захоте-

лось поделить и ею, и своими мыслями по ее поводу.

Границы обзора и своих размышлений я ограничу «гуманитарными проблемами». Гуманитарные проблемы перенасытили окружающее нас пространство. И все-таки... И все-таки сосредоточусь на некоторых из них. Почему? Думаю, сегодня каждый активно решает хотя бы некоторые из них. Кроме того, гуманитарная среда университета просто обязывает иметь их в виду, размышлять над ними и определять свою позицию. С чего начну?

Скорее с проблемы *духовности*. Поводов для этого несколько. На столе несколько серьезных журналов. Вот один из них. Начиная читать. С первых страниц появляются словосочетания и понятия, связанные с духовностью: «духовный смысл», «духовное оздоровление», «родники духовности», «маяки духовности», «духовные ресурсы», «духовный опыт», «духовное неблагополучие», «духовное возрождение», «духовная культура» и др. В сугубо педагогическом журнале речь ведется о социальном статусе духовных ценностей, о духовном производстве, о духовном мире, о духовном барьере... О чем это говорит? Об актуальности, о всеобщем интересе к проблеме *духовности* и *духовного*. А может быть, это отчасти и дань моде, которой, увы, подвержена и наука...

На мой взгляд, проблема духовности принадлежит к сложнейшим мировоззренческим проблемам, проблемам предельным, онтологическим, которые так или иначе приходится решать каждому человеку.

Личным поводом для усиления интереса к данной проблеме именно сейчас послужили популярные сегодня книги, в которых разные авторы так или иначе ее рассматривают. Это известная наша писательница Л. Улицкая («Даниэль Штайн, переводчик»), французский писатель-постмодернист (его называют скандалистом, бунтарем, а его романы — провокационными и ставят в один ряд с М. Уэльбеком) Фредерик Бегбедер (здесь я имею в виду его произведение «Я верую — Я тоже нет») и, наконец, американец Ноа бен Шиа («Иаков Пекарь. Простая мудрость для сложного мира», произведение, определяемое

авторами аннотации как «культовое»). Но о них надо говорить не бегло, не мимоходом, а серьезно и профессионально. Поэтому сосредоточусь на журнальных публикациях, источниках в сети, в которых духовность и другие гуманитарные проблемы рассмотрены вне литературных сюжетов, а как проблемы научные.

Духовность сегодня выходит в авангард гуманитарных проблем. Что способствует этому? Рост религиозности, общественное внимание к нравственности или что-то еще? Все ли одинаково понимают духовность и какой смысл в нее вкладывают? Ведь на самом деле духовность связывается и с высшими ценностями, и с основами бытия человека, и с земными, а подчас конкретными проблемами: экономикой, культурой поведения, достоинствами и пороками людей. Было важно найти данные о понимании современниками этого семантически многозначного понятия. Некоторые ответы нашла в статье П. Бавина «Координаты духовности: От храма до кошелька», опубликованной в новом журнале «Социальная реальность» [1], который имеет подзаголовок — «Журнал социологических наблюдений и сообщений». И, действительно, здесь не много фундаментальных статей, а преобладают интерпретации социологических опросов ФОМ (Фонд «Общественное мнение»). В нем (журнале) представлено несколько рубрик, и даже самая маленькая из них («Между прочим») дает интересную информацию для размышлений. Но вернемся к проблеме духовности.

Анализируя данные общероссийского опроса населения от 16–17 декабря 2006 г. (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов), П. Бавин выделяет «три основных семантических поля, в которых находится понимание духовности: религиозность, нравственность, интеллект. При этом примерно в трети ответов «духовность» трактуется в плоскости рассуждений о вере, в трети — в плоскости моральных устоев человека, и примерно в шестой части «духовность» интерпретируется как интеллектуальный багаж личности [1. С. 25].

Данные опроса показали, что рассуждения о духовности сопряжены с модальностью *рост — падение*. Примерно 49% опрошенных, независимо от возраста, считают, что «духовности в жизни общества стало меньше» [1. С. 27]. Как объясняют причину этого опрошенные? Их аргументы таковы: возросшая злоба, бедность, тотальное стремление к материальным благам, разобщенность.

Но 14% опрошенных свидетельствуют о росте духовности. Как они объясняют этот рост? «Три четверти ответов людей, считающих, что духовности сегодня по сравнению с советскими временами стало больше, отражают их представление о духовности как о религиозном чувстве» [1. С. 27]. При этом, как отмечают опрошенные, подъем духовности связан как с личным религиозным чувством, так и с ростом религиозной составляющей в государственной политике.

Данные этой публикации дополняются статистикой, приведенной на сайте www.fom.ru [2]. Здесь более детально расписано, как понимают респонденты 2006 г. понятие *духовность*:

- Вера в Бога, религиозность, то, что связано с верой, церковью.
- Нравственность человека, его моральные устои, доброта, человечность, совесть, совесть.
- Внутренний мир, богатство внутреннего мира, внутреннее содержание человека.
- Ум, образованность, широта кругозора, культура, воспитанность.
- Что-то хорошее в человеке, положительные качества в целом, чистота души, душевная гармония.
- Любовь, надежда, вера во что-либо.
- Мировоззрение человека, его отношение к жизни.
- Стремление к совершенствованию, развитие личности, самопознание.
- Традиции народа, верность традициям, патриотизм.
- Бескорыстие, отсутствие меркантильности.
- Сила духа, что связано с душой, духом.
- То, что связано с творчеством, искусством.
- Это не имеет отношения к религии.

- Другое.
- Затрудняюсь ответить, нет ответа.

Эти ответы убеждают в неоднозначности понимания людьми широко распространенного концепта. На что ориентируют эти факты нас, преподавателей, особенно в сфере гуманитарного образования? Автор анализируемой статьи (П. Бавин) обращает внимание не только на абсолютные цифры роста или падения духовности, а на то, что мне представляется особенно важным: различное понимание опрашиваемыми самого феномена духовности. Все трактовки он распределяет в три типологические группы. В одних случаях духовность связывается с нравственностью, в других — с интеллектом, в-третьих — с религиозным чувством. Поэтому в самом словоупотреблении понятия *духовность* необходимо четко определять тот смысл, который вкладывается говорящим и пишущим в концепт, ставший сегодня в сущности обыденным, несмотря на свой высокий смысл. В противном случае не возникнет того взаимопонимания, которое необходимо в гуманитарном диалоге.

Наиболее важными для нас являются ответы опрошенных о том, как поднять духовность. Наиболее типичными оказались четыре группы ответов:

- улучшение материального состояния граждан;
- улучшение качества воспитания;
- религиозное воспитание;
- цензура в СМИ (устранение насилия, жестокости, эротики и т. п.).

Мне показалось интересным заключение автора. В начале статьи, ссылаясь на Академический словарь русского языка издания 1981 г., он обратил внимание на помету к слову *духовный*: как *устаревшее, книжное*. Возвращаясь к этому, П. Бавин пишет: «Раньше светское и религиозное, церковное понимание духовности существовали взаимосвязанно. Сегодня же два семантических поля слова “духовность” пересекаются слабо. Люди, утверждающие, что уровень духовности в нашем обществе растет, по сути, не спорят с теми, кто считает, что он падает, — просто слово в этих группах понимается по-разному» [1. С. 29]. Какой вы-

вод из всего можно сделать нам, преподавателям? Опираясь на понятие «духовность», мы должны помнить, что нашей аудиторией, читателями наших ученых трудов, это широкоупотребительное понятие может пониматься совсем по-разному и может связываться с разными явлениями жизни. Для одних на первый план выходит интеллект, для других — нравственность, а для третьих — религиозность... А может быть, есть и другие связи. В данном случае мы лишь идем в контексте авторской интерпретации и концептуального замысла опроса.

От высокой духовности обратимся к прозе жизни...

В рубрике «Между прочим» в одном из номеров этого же журнала есть небольшая публикация Е. Вовк с простым и ненаучным названием «Хлеб». Автор анализирует данные общероссийского опроса от 12–13 августа 2006 г. (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов). «И для чего проводился этот опрос?» — подумает читатель... А результаты его весьма интересны. С чем ассоциируется само слово *хлеб*? Для четверти россиян, как пишет автор, «это сама жизнь, святость, самое дорогое, что есть у нашего народа (28% ответов)» [3]. Хлеб в сознании человека соединяется с богатством, достатком, благополучием и, что очень важно, с тяжелым крестьянским трудом, с беспокойством за разваленное сельское хозяйство, запущенные поля. При всем этом 10% затруднились определить, с чем связано это слово. Автор говорит «только 10%», но я истолковала бы это с большим пессимизмом и сказала бы о том, что *целых* 10% относится к хлебу как вполне обычному явлению. Но мое мнение субъективно: на него повлияло и голодное военное детство, и семейная память о блокаде, и эпоха середины 60-х гг., когда я, выпускница историко-филологического факультета ЛГПИ им. А. И. Герцена, в соответствии с социальным заказом, по-своему (а в основном средствами поэзии) учила детей воспринимать хлеб как нечто большее, чем просто еда. Наверное, в наше сытое время мы меньше и думаем, и говорим о хлебе. Однако, думается, отношение к хлебу — это показатель культуры, это признак ду-

ховной зрелости человека. Но настораживает другое: людям городским, более образованным и более благополучным, как считает Е. Вовк, свойственно «менее трепетное отношение к хлебу», хотя 74% опрошенных признали, что в семье всегда едят хлеб. А в целом хлеб в русской культуре остался одним из ключевых и многозначных культурных символов.

Размышление о хлебе как культурном символе и ценности перевело мою рефлекссию на статью В. Е. Семенова «Ценностные ориентации современной молодежи» [4]. Помимо интерпретации неоднократных социологических опросов молодежи, проведенных сотрудниками НИИКСИ СПбГУ в 2002–2006 гг., здесь содержатся некоторые проективные высказывания. Поэтому остановлюсь на этой публикации. Исследований и публикаций на тему ценностных ориентаций современной молодежи появилось много, но в статье речь идет о ценностном сознании по преимуществу петербургской молодежи (в возрасте до 30 лет). Поэтому полученные результаты важны для нас, работающих в Санкт-Петербурге. Вот семь главных ценностей наших молодых земляков: *семья, друзья, здоровье, интересная работа, деньги, справедливость, религиозная вера*.

Обратим внимание: интересная работа и деньги стоят рядом в ценностной структуре опрошенных молодых людей. Однако, как отмечает В. Е. Семенов, между этими ценностями нет четкой связи. И это прослеживается в других данных. По престижности лидируют профессии экономиста (37%) и юриста (36%), а «замыкают список профессии учителя и рабочего (по 1%)» [4. С. 38]. Между тем общественную значимость медицинских профессий признают 45%, а учителя — 36% опрошенных студентов четырех петербургских вузов.

В статье есть интересные данные о героях нашего времени (по данным опросов), о религиозной вере в структуре ценностей молодежи, о выборах молодежи в литературе и искусстве. Но лучше, если интересующиеся этой проблемой, обратятся к самой статье. А для меня был важен вывод о «*настоятельной необходимости формирования системы воспитания и социализации молодежи*» [4. С. 40], о «*создании единого воспитательно-*

педагогического социокультурного пространства» [4. С. 42]. Несомненно, это важно... Однако само воспитательно-педагогическое пространство еще не решает проблемы. Разве оно (пространство) бедно ресурсами в нашем городе? Разве оно так мало? На мой взгляд, проблема заключается в воспитании осознанного избирательного отношения молодого человека к ресурсам и ценностям этого пространства. Необходимы особые способы воспитания отношений человека к среде, к ее влияниям, к ее соблазнам, к различным ее сферам. Но для этого «воспитательный процесс должен быть достаточно *сильным*» (так писала Г. И. Щукина в 1974 г.). Негативные влияния присутствовали всегда, в любую эпоху, при любой системе воспитания. Но все они преломляются через внутренний мир личности. Именно потому такой важной становится задача воспитания внутреннего мира личности, начиная с раннего детства. Ставить в ситуацию выбора, учить растущего человека самостоятельно делать выбор... Иначе, освободившись от запретов детства и не научившись самостоятельно решать и выбирать, он выбирает отнюдь не высшие ценности. Ведь и сегодня молодой человек может выбрать в качестве доминанты заполнения времени развлекательную индустрию, а может — образовательную среду города, наполненную ценностями высшего порядка. Вероятно, речь должна идти о поиске новых «механизмов» воспитания в современной ситуации, когда перед молодым человеком открывается огромный спектр личностных выборов... Речь должна идти о согласовании позиций всех воспитательных и социализирующих личность институтов, о соблюдении необходимой меры свободы и авторитаризма в воспитательном влиянии... Но это всего лишь предположения.

Логика моих размышлений над этой темой (как поднять ответственность различных институтов и самой личности в воспитании) привела к психологии детско-родительских отношений. Обратила внимание на соответствующую статью в «Вопросах психологии» [5]. Авторы анализируют структуру и динамику родительского отношения в онтогенезе ребенка. Статья построена на интересном исследовательском материале, который выявляет в родительских отношениях взаимодействие двух начал: личностного и предметного. Личностное строится на целостном, безоценочном отношении к ребенку, предметное — на стремлении воспитать у него конкретные характеристики, качества и способности. Между тем несколько настораживает общий вывод авторов: «...на всех возрастных этапах развития ребенка предметное начало в целом доминирует» [5. С. 68]. Настораживает потому, что личностное начало родительских отношений определяется как *целостное*, а предметное как *частичное*, выраженное «в ориентации на формирование определенных качеств, черт личности, в требовательности, в конкретных ожиданиях и оценочной позиции по отношению к ребенку» [5. С. 59]. Может быть, некоторые наши просчеты в воспитании и связаны с тем, что целостному отношению к воспитаннику по мере его взросления мы уделяем меньше внимания, чем частичному — предметному? Тем более что авторы высказывают важное утверждение: «Становление и совершенствование родительства является одним из главных направлений личностного развития взрослого человека» [5. С. 59].

Количество обсуждаемых сегодня гуманитарных проблем безмерно велико, но я остановилась лишь на некоторых, с которыми связаны проблемы современного образования и мой собственный научно-познавательный интерес.

Литература

1. Бавин П. Координаты духовности: От храма до кошелька // Социальная реальность. 2007. № 2.
2. Духовность вчера и сегодня. www.fom.ru.
3. Вовк Е. Хлеб // Социальная реальность. 2007. № 1.
4. Семенов В. Е. Ценностные ориентации современной молодежи // СОЦИС. 2007. № 4 (276).
5. Смирнова Е. О., Соколова М. В. Структура и динамика родительского отношения в онтогенезе ребенка // Вопросы психологии. 2007. № 2.